

Павел I — коронованный тиран или просвещённый реформатор?

Российская империя к моменту воцарения Павла Петровича стояла перед трудноразрешимыми проблемами как внутри страны, так и за ее пределами. Крестьянская война под руководством Емельяна Пугачева и революция во Франции заставили правительство Екатерины последовательно осуществлять жёсткий полицейский курс для борьбы с революционными взглядами и народным недовольством. Финансы империи были расстроены, продолжалась эмиссия бумажных денег. Екатерининское царствование оставило внутренние и внешние долги, сумма которых превысила 200 млн. рублей, что равнялось трем среднегодовым бюджетам страны последней четверти XVIII в.¹ Сумма эта была покрыта выпуском 156,6 млн. ассигнаций и внешними займами на 33 млн. рублей. Казнокрадство и лихоимство достигли невиданных размеров и фактически были узаконены. Прусский посланник Гребен в рапорте начальству сообщал: «Обширные и пространные помещения департаментов посещались лишь мышами и крысами. Чиновники, без всякого исключения, проводили дни в еде, попойках и игре, а ночи в самых грязных оргиях. Отсюда проистекало взяточничество в обширных размерах... Отсюда же проистекали бесчисленные злоупотребления. Вот наименее преувеличенная картина России в момент восшествия на престол Павла I»². Прусскому дипломату вторил русский провинциальный дворянин А.Т.Болотов: «Небрежение господ сенаторов дошло даже до невероятности и до того, что иные лет по пяти сряду в Сенат не приезжали и не заглядывали в оный»³. Действительно, к моменту воцарения Павла в Сенате скопилось 11476 нерешенных дел.

Но особенно тяжелым было положение армии. По данным А.Петрушевского, из почти 400-тысячного списочного состава русской армии не хватало, по крайней мере, 50 тыс. солдат, буквально разворованных полковыми командирами; Г.А.Потемкин присвоил себе целый рекрутский набор; 3/4 офицерского корпуса существовало лишь на бумаге. При производстве в офицеры или представлении к очередному чину во внимание принималась лишь протекция. Многие получали чины, вообще не служа. Дезертирство из русской армии стало массовым явлением.

Армейские боевые офицеры по пятнадцать лет служили в одном чине, а им в качестве командиров навязывали неуча-гвардейца, переходившего в армейский полк с двойным повышением в чине. Срок службы ружья фактически доходил до 40 лет, пушки же на флоте были петровского литья.

По отзывам графа Лонжерона, гвардия — «позор и бич русской армии», хуже — только кавалерия: «старые и изнуренные лошади не имеют ни ног, ни зубов», «русские кавалеристы никогда не упражняются в сабельных приемах и едва умеют владеть саблей», «в России достаточно быть кавалерийским офицером, чтоб не уметь ездить верхом». Я знал лишь четырех полковых командиров, умевших ездить верхом на лошадях»⁴.

В подобном упадке не было ничего удивительного. Хотя Екатерина II по натуре своей была энергичной и деятельной, но, вступив на престол в 33 года, она к концу царствования, будучи пожилым человеком, конечно, уже растеряла весь запас активности. Написанные ею Указы относятся к началу и середине ее царствования: учреждение о губерниях, устав о благочинии и др. В конце царствования сама Екатерина II пишет сравнительно редко, резолюции на докладах обычно накладываются рукою статс-секретарей, императрица только подписывает. Дела, как правило, сама не читает и в их решении участия не принимает, приказывая отправить их вниз, то есть к Зубову, который, ознакомившись с ними, докладывал государыне.

Состарившаяся императрица не любила, чтобы ей докучали какими-либо просьбами и жалобами, на злоупотребления смотрела сквозь пальцы, чтобы не расстраиваться, и сердилась, когда ей смели делать какие-либо указания и предлагали какие-либо реформы. Постороннему наблюдателю могло показаться, что она убажает сама себя ради своего покоя и убеждает всех в том, что Россия и есть то место, где лучше всего живет людям. В конце царствования Екатерины Великой место первого са

новника, генерал-прокурора, занял безликий граф А. Н. Самойлов, а у самого трона образовался своеобразный кружок, сгруппировавшийся вокруг последнего фаворита императрицы, гвардейского офицера и затем князя Платона Зубова. Будучи человеком добрым и по-человечески приятным, Платон Зубов не имел никаких наклонностей к управлению государством, во всех отношениях уступая своему великому предшественнику — князю Потемкину. Фактически, как это и бывает при дряхлеющем правителе, страной правили случайные временщики, которые прекрасно понимали «недолговечность и шаткость» своего положения и которым не было никакого дела до судьбы государства в целом. Их сиюминутные интересы определялись самой этой временностью — успеть пожить. Именно это и чувствовалось во всем облике эпохи последних лет царствования Екатерины Великой. Ни государственные дела, ни судьба отечества, ни перспективы общественного устройства временщиков, думавших только о личных эгоистических интересах, не волновали нисколько. Российский государственный организм нуждался в серьезном лечении, а машина российского государства — в реформировании. Именно таким реформатором и сделался сын Екатерины Великой — Павел I.

Павел Петрович, едва став императором, попытался разрешить наиболее жгучие проблемы. Вторым указ, им подписанный, отменил рекрутский набор в 10 тыс. человек для войны с Францией, вскоре последовало распоряжение о прекращении выпуска очередной партии бумажных денег⁵. По приказанию Павла было сожжено на площади перед Зимним дворцом пять с лишним миллионов рублей ассигнациями, а позднее пуды придворных серебряных сервизов переплавили в монету. Павел Петрович заявил, что будет есть на олове до тех пор, пока курсы серебряного и бумажного рубля не стабилизируются⁶. Из казенных хлебных магазинов стали продавать хлеб, чтобы сбить высокие рыночные цены. Следствием явилось заметное падение цен на хлеб — до 2 руб. за четверть.

Естественно, новый монарх нуждался в людях, которые могли бы стать надежными проводниками его политики. Таковыми были, прежде всего, гатчинцы. Уже 10 ноября гатчинские батальоны влились в русскую гвардию чин в чин, что вызвало массовое недовольство старых гвардейских офицеров, и лишь великие князья Александр и Константин по-доброму приняли гатчинцев.

Павел хотя и обласкал на первых порах Платона Зубова и других екатерининских вельмож, но доверять им не мог, поэтому постарался окружить себя теми людьми, на чью верность рассчитывал. Из Литвы был вызван князь Н.В.Репнин и произведен в генерал-фельдмаршалы. Из Москвы — друг детства А.Б.Куракин, который получил чин тайного советника. Секретарем Павла стал вызванный из Кишинева И.В.Лопухин. Отметим, вопреки устоявшимся представлениям, что никаких гонений на екатерининских вельмож не было: если они и уходили в отставку, то, как правило, с повышением в чине, с орденом, с земельным или денежным жалованием. Все президенты коллегий и главы департаментов, служившие при Екатерине, утверждались в своих должностях.

Высочайшим повелением предписывалось, чтобы все руководители присутственных мест заседали там, где числились по службе. Одновременно были отпущены на свободу все лица, заключенные в Тайной канцелярии, освобождены Н.Новиков и А.Радищев, Т.Костюшко дали разрешение выехать в Америку⁷. Получили прощение нижние чины, находившиеся под следствием.

Даже участники дворцового переворота 1762 г. избежали заслуженного наказания, если не считать таковым удаление от двора и запрещение въезда в столицу — впрочем, это распоряжение вскоре было отменено. А.Г.Орлов-Чесменский (по общему мнению, убийца Петра III) в течение всего павловского царствования запросто обедал у государя!

Павел Петрович позаботился и о придании своей власти дополнительного ореола законности. Недальновидные современники осмелили коронацию праха Петра III и совместное погребение его с Екатериной II. Но политический смысл этой акции Павла ясен: он признавал своим отцом того, кто не желал признавать его сыном. Отсюда, вероятно, проистекало стремление Павла самому короноваться как можно быстрее, и уже в 1797 г. он был торжественно коронован в Кремле митрополитом Платоном, своим старым учителем и наставником.

В области внешней политики правительство Павла декларировало желание поддерживать мирные отношения со всеми заинтересованными странами и об отказе от военных действий в настоящее время. Меры эти напрямую вытекают из «Наказа» Екатерины от 1788 г.

Небезынтересно отметить, что все без исключения мемуаристы признают известную полезность первых мероприятий Павла, но эта полезность понимается ими по-разному. Так Адам Чарторыйский положительно оценивал «запрет служить в армии кое-как, по-любительски», а также право, предоставлявшееся молодым придворным выбирать себе какой-нибудь род службы. Одним из наиболее великодушных деяний Павла польский князь считает освобождение польских узников (Т.Костюшко, И.Потоцкого и др.). С точки зрения Семёновского офицера М. Леонтьева, действительное благо павловского правления заключалось в учреждении Заемного банка, издании «банкротского устава» и в освобождении семьи Ломоносова от подушного оклада и т.д.

Со всем тем современники единодушно подтверждали то, что истинным двигателем всех нововведений Павла являлось страстное желание поступать вопреки политике, проводимой в жизнь императрицей Екатериной II⁸. Не случайно Г.Р.Державин сравнил положение в Петербурге после перевода туда гагчинских батальонов с завоеванием города. А.Чарторыйский писал: «Никогда еще по сигналу свистка не бывало такой быстрой смены всех декораций, как это произошло при восшествии на престол Павла. Все изменилось быстрее, чем в один день: костюмы, прически, наружность, манеры, занятия».

Именно «метаморфозы», «коверканья» екатерининской правительственной системы не могли простить Павлу I современники, да и профессиональные историки, прежде всего дворянские, которые в своих трудах зачастую лишь воспроизводили предвзятые оценки мемуаристов.

В первые месяцы царствования наибольшее внимание вызывали у Павла армия и гвардия, что выглядит совершенно естественно, если мы вспомним об их печальном состоянии к концу правления Екатерины. Уже 29 ноября 1796 г., то есть через три недели после воцарения Павла, появились воинские уставы о конной и пехотной службе, а 25 февраля — Морской устав. Одновременно улучшалось содержание солдат, были определены строгие правила продвижения по службе, все вооруженные силы для удобства управления делились на 11 округов и 7 инспекций. Положение гвардии переменилось разительно. Полковой адъютант Измайловского полка Е.В.Комаровский писал: «Образ жизни наш, офицерский, совершенно переменился. При императрице мы думали только о том, чтобы ездить в театры, общества, ходили во фраках, а теперь с утра до вечера сидели на полковом

дворе и учили нас всех, как рекрутов». Непривычные, невиданные ранее тяготы службы вызвали массовые отставки. В Конногвардейском полку из 132 офицеров выхлопотали отставку за три первые недели нового царствования 60 или 70 человек. Но вновь открывшиеся вакансии позволяли честолюбивым офицерам, даже низкого происхождения, быстро расти по службе. Тот же Комаровский за 7 лет дослужился из сержантов до генерал-майора. Павел лично участвовал во всех разводах и вахтпарадах гвардии, мельчайшие стороны армейского быта не ускользали от его пристального, иной раз пристрастного, внимания. Гвардия и армейские полки получили новый мундир по прусскому образцу, штіблеты, парик с буклями и косой и проч. Павловский мундир, в отличие от екатерининского (стоил 122 рубля), стоил не более 22 руб. меховые шубы и дорогие муфты были запрещены вовсе. Под мундир разрешалось надевать фуфайки или подбивать его мехом. Новый воинский устав запрещал офицерам делать долги, занимать деньги и товары в кредит. В противном случае полковой командир обязан был уплатить долг, вычитая деньги из офицерского жалованья. Если долг оказывался слишком большим, офицера надлежало посадить под арест, а все его жалованье поступало кредиторам и заимодавцам. Все эти полезные меры вызвали резкое и однозначное неприятие со стороны офицерского корпуса в гвардейских полках.

На изменении настроений в армии сказалась, прежде всего, возросшая тяжесть службы, совершенно непривычная для гвардейцев. В.Селиванов вспоминал: «Служба при Екатерине была спокойная: бывало, отправляясь в караул (тогда в карауле стояли бессменно по целым неделям), берешь с собой и перину с подушками, и халат, и колпак, и самовар. Пробьют вечернюю зорю, поужинаешь, разденешься и спишь, как дома. Со вступлением на престол Павла служба сделалась тяжелая, строгая...»⁹. Офицер теперь персонально отвечал за свое подразделение: бесконечные смотры и вахтпарады, контролировавшие выучку солдат, могли закончиться неприятностями вплоть до ареста и исключения из службы. Прекратились тянувшиеся годами отпуска офицеров. Было покончено с практикой записи дворянского недоросля в полк, когда к своему совершеннолетию он достигал уже офицерского чина.

Таких числившихся в армии, регулярно получавших чины и награды, но реально не служивших офицеров исключено было со службы, по данным И.В.Анненкова, 1541 человек, всего же к

началу царствования Павла I в гвардии находилось около 20 тыс. мнимых сержантов и унтер-офицеров. При Павле все без малейшего исключения придворные чины (камер-юнкеры, камергеры) из полков увольнялись, т.е. служить разрешалось только по военной или только по штатской части, что расходилось с практикой, сложившейся при Екатерине, задевало интересы петербургского дворянства и, естественно, вызывало неприятие с его стороны.

Неродовитые, разумеется в сравнении с петербургскими, гатчинские офицеры, среди которых было много выходцев из Германии, Курляндии, Украины, делали зачастую более быструю и значительную карьеру, чем гвардейские старожилы. Всеобщее презрение вызывали новые уставы. В первую очередь за их сходство с прусскими уставами. Действительно, искусству стрельбы и штыкового боя в них уделялось мало внимания, основное значение придавалось маневрам войск на поле боя. Сами эти маневры при линейном построении были очень сложны и медленны, для этого пришлось сократить длину солдатского шага. Введенные Павлом изменения в армии, вплоть до нового мундира, провоцировали раздражение и озлобление.

Требование служить распространялось и на штатских чиновников. Все же штатская служба была намного легче военной, и некоторые отпрыски знатнейших родов перестали ею гнушаться. Контраст с предыдущим царствованием был так велик, что ропот, смешанный с самыми язвительными насмешками, доходил до самого Павла. Мелочная регламентация житейских ситуаций была особенно тягостна для дворянства, привыкшего к сравнительно широкой личной свободе.

Несомненно, все эти акции есть производное от общего стремления Павла Петровича к порядку, который понимался прежде всего как неуклонное следование предписанным верховной властью единообразным и обязательным для всех правилам поведения. Должно быть, это явилось реакцией Павла на распущенность екатерининской эпохи, которую он искренне ненавидел. Отсюда и стремление государя лично убедиться в том, как введенные им правила соблюдаются: он сам разъезжал по улицам — и горе зазевавшемуся прохожему, нарушившему предписание!

Ограничивая учреждения и стремясь как можно шире и полнее сосредоточивать в своих руках управление государством, Павел, ценя «скорость власти одного», предпочитал лица учреждениям. Довольно холодно относясь к коллегиальному на

чалу, он обычно отдавал предпочтение началу единоличного министерского управления, по его мнению, более гибкому и результативному. Вполне закономерным было и то, что при Павле резко увеличивается значение генерал-прокурора как ближайшего сотрудника и помощника Государя в делах внутреннего управления государством. Говорят, что вновь назначенному генерал-прокурору А.А.Беклемишеву он сказал: «Ты да я, я да ты: мы одни будем дела делать»¹⁰. Монарх и его первый министр, генерал-прокурор, оказывались одним существом в двух лицах, от которых целиком и полностью зависела судьба государства.

Во главе центральных учреждений, по мысли Павла, должны были находиться министры. В оставленной им записке о главном управлении в кратком изложении спроектировано семь министерств или «главных департаментов»: министерства юстиции, финансов, военное, морское, иностранных дел, коммерции и казначейство. Преобразовать коллегии по этому плану Павел не успел, но некоторые и весьма значительные шаги в этом отношении им были сделаны; появились должности с явно министерским характером; кроме генерал-прокурора как министра внутренних дел и юстиции по преимуществу появилась должность министра коммерции, министра уделов, государственного казначея и канцлера, сосредоточившего в своих руках дела по иностранной политике, а сам Павел, по личному пристрастию к военному делу, говоря без всякого каламбура, выполнял обязанности военного министра. Во главе коллегий были поставлены директора и т.д. Одним словом, в короткий четырехлетний период в центральном управлении произошел, благодаря мероприятиям Павла, быстрый переход от коллегиального управления к единоличному, министерскому, и не доставало еще одного шага, чтобы завершить строительство всего этого здания на развалинах старых коллегий.

В области местного самоуправления Павел был поклонником идей централизации: он хотел руководить всей провинциальной жизнью при помощи центральных учреждений и местных полномочных губернаторов, и без особого одобрения относился к выборным представителям общества, стараясь по возможности заменить их исполнительными государственными чиновниками.

Для того, чтобы осуществлять руководство по набросанной выше методе, Павел хотел знать все, в особенности же то, что творится и происходит в губерниях. Все — от пожара и недоро

да до злоупотреблений губернаторов — Павел желал знать непосредственно и незамедлительно. Со всем тем Павел оставался проникнутым возвышенными идеалами строжайшей законности. Еще в юношеские годы наставник его Н.И.Панин внушал ему мысль о необходимости установления коренных законов и воспитывал в нем критическое отношение к порядкам правления своей матери. Все это не могло не сказаться на образе и методах правления Павла. Отсюда берёт начало его многогранная «указотворческая деятельность». Количество новых узаконений и законодательных требований смущало умы. Новые указы появлялись так часто, что к ним просто не успевали привыкнуть, поэтому нарушали их, подвергались взысканиям, следствием чего было чувство неуверенности в собственном будущем даже у лиц, высоко стоявших в чиновной иерархии. Вообще за четыре года павловского царствования было издано 2179 законодательных актов, в среднем по 42 закона в месяц. Для сравнения: императрица Екатерина II издавала в среднем 12 документов в месяц. Интенсивность павловского законотворчества, таким образом, была в 3,5 раза выше¹¹.

Мы видим, что первые акции Павла I направлялись на ликвидацию наиболее вопиющих, бросающихся в глаза недостатков предыдущего царствования: они, при всей их поспешности и недостатках, не противоречили в целом интересам государства.

Несмотря на лавинообразный характер новых указов, распоряжений и узаконений, последовавших в первые месяцы нового царствования, они, если смотреть в суть дела, распадаются на немногочисленные направления, из которых одно из важнейших — сословная политика Павла I, прежде всего дворянская и крестьянская. Под дворянской политикой обычно понимается система мероприятий правительства, определяющих место дворянского сословия в хозяйственно-экономической и общественно-политической жизни страны; она может быть понята лишь в контексте особенностей ее проведения в отношении других сословий, и прежде всего крестьянства.

Апологеты Павла именно его крестьянскую политику трактовали как проявление антидворянского начала, поэтому рассмотрим ее подробнее. Правление Екатерины Великой, как это хорошо известно из работ видного исследователя истории крестьянства во второй половине XVIII в. В.И.Семевского, было временем наибольшего расцвета крепостного права. Начав с теоретического протеста против крепостного права в черновиках Наказа, Екатерина кончила заявлением, что «русский крестья

нин во сто раз счастливее и достаточнее французского крестьянина», «лучше судьбы наших крестьян у хорошего помещика нет во всей Вселенной», а законодательство этого времени, робкое и противоречивое по отношению к крестьянам, не влекло за собой никаких существенных перемен в судьбе русского крестьянства¹².

Известно, что Павел Петрович, сочувствуя тяжелому положению крестьян в своем Гатчинском имении, уменьшил их повинности, помогал ссудами и пытался произвести некоторые перемены в их землепользовании. По вступлении на престол Павел проявлял то же благожелательное отношение к народу, которое у него было и раньше. Он любил быть предметом внимания и оваций простонародной толпы, охотно принимал прошения от крестьян, а иногда вступал с ними в разговоры. По личному почину, после нескольких десятилетий запрета, разрешил крестьянам подавать жалобы на притеснения помещиков и управителей, и всякий раз принимал меры к выяснению того, насколько справедлива жалоба и в чем можно помочь крестьянам. Рассматривая взгляды Павла на крестьян и отдельные мероприятия Павла как царя, в которых отразились его личные взгляды и настроения, едва ли можно сомневаться в общем благожелательном отношении Павла к простому народу. Такое отношение сказалось в целом ряде отдельных узаконений и распоряжений Павловского времени как общего характера применительно ко всему крестьянскому населению, так и частного — применительно к отдельным группам и даже к отдельным лицам из низших общественных слоев.

При вступлении Павла Петровича на престол впервые в Российской истории, крепостным крестьянам было позволено присягать вместе с другими сословиями. 10 декабря 1796 г. именным указом государь заменил хлебную подать денежным сбором — «по 15 копеек за каждый четверик». 16 февраля 1797 г. Павел запретил продавать дворовых людей и крестьян без земли «с молотка или подобного на сию продажу торга». 5 апреля 1797 г., в день своей коронации, Павел I подписал свой самый знаменитый манифест о трехдневной барщине, в котором государь «повелевая всем и каждому наблюдать, дабы никто и ни под каким видом не дерзал в воскресные дни принуждать крестьян к работам, тем более, что в неделе шесть дней, по равному числу оные в общеразделяемые как для крестьян собственно, так и для работ их в пользу помещика, при добром распоряжении достаточны будут на удовлетворение всяким хозяйственным потребностям». Ука

зом от 19 сентября 1797 г. с крестьян снималась повинность держать лошадей, необходимых для армии, и давать подводы для фуража и прочего, а вместо этого со всех крестьян стали взимать «по 15 копеек с души, надбавку к подушному окладу». Двумя указами все недоимки — семь с лишним миллионов рублей (1/10 часть бюджета), «исчислявшихся до 1 января 1797 года на мещанах и помещичьих крестьянах по подушному сбору, были сложены и в казну не взыскивались»¹³.

Из мероприятий общего характера можно упомянуть также облегчение рекрутской повинности. Рекрутская повинность была облегчена при Павле в первые же дни его царствования: указом от 10 ноября 1796 г. велено было рекрутскому набору, объявленному Екатериной Великой 13 сентября того же года, «не быть». Подобная же отмена набора произошла и в 1800 году. Вообще говоря, повинность крови, лежавшая большей частью на крестьянах, была для них несколько смягчена благодаря тому, что екатерининская армия, насчитывавшая до 500 тысяч человек, сократилась при Павле приблизительно до 350 тысяч человек.

Однако эти акты нельзя рассматривать как единственные шаги Павла в ослаблении крестьянского гнета. Безусловно, он был крепостником, о чем свидетельствуют другие его указы. Так 12 декабря 1796 г. были строжайше запрещены самовольные переходы крестьян «с места на место в губерниях... и... из других губерний». Причем оговаривались и условия возмещения потерь помещикам в случае таких переходов. Наконец, сам Павел Петрович был убежденным сторонником расширения и укрепления крепостничества. Его адъютант Н. О. Котлубицкий передает в своих записках слова Павла о том, что «лучше бы и всех казенных крестьян раздать помещикам. Живя в Гатчине, я насмотрелся на их управление, помещики лучше заботятся о своих крестьянах, у них своя отеческая позиция»¹⁴.

Царствование Павла I начинается с «расхватки деревень», т. е. с раздачи государственных крестьян в частное владение. За годы своего правления Павел I роздал, по подсчетам В. И. Семевского, до 600 тыс. душ, только в день коронации было роздано 82 тыс. В любом случае масштабы пожалований огромны. Кроме этого, в декабре 1796 г. издается указ о закреплении крестьян за частными владельцами в области Войска Донского и в Новороссийской губернии. На первый взгляд, одна группа указов по крестьянскому вопросу противоречит другой, и, таким образом, в Павловском законодательстве по крестьянскому

вопросу наблюдается форменный хаос, порожденный, как считали современники, нервным, импульсивным, непостоянным характером государя. Однако при внимательном рассмотрении мы не найдем в конкретных акциях правительства желания смягчить крепостнические отношения или хоть как-то ущемить владельческие права дворян. К примеру, Павел I снял задолженность с крестьянства и одновременно обложил дворянство своеобразным налогом, который за четыре года практически покрыл недоимку. Естественно, дворяне увеличили сумму оброка, и в конечном счёте рассчитываться пришлось тому же крестьянину. Видимо, прав был М.Н.Покровский, заметивший: «Не видно, чтобы помещики особо тяготились указом 5 апреля 1797 года и даже чтобы они вообще сколько-нибудь обращали на него внимание»¹⁵.

Указ о лишении дворян права продавать крестьян без земли выразился в запрещении печатать в газете объявления о таких продажах. Запрет, впрочем, легко обходился, когда стали публиковать объявления крестьян в «услужение» рядом с публикациями о продаже различных домашних вещей.

Таким образом, ни одна из вышеуказанных акций правительства не привела к существенному изменению в положении и образе жизни крестьянства. В любом случае совершенно очевидно, что одного стремления Павла улучшить положение крепостных недостаточно, чтобы делать выводы о его прокрестьянской политике.

Многие российские императоры (к примеру, Екатерина II с ее Уложенной комиссией, Александр Павлович с комплексом либеральных начинаний, Николай Павлович с секретными комитетами) «субъективно» стремились облегчить положение крестьянства, даже сочувствовали ему, но логика классовых отношений не позволяла «первому дворянину империи» способствовать ущемлению общесословных интересов дворянства, по крайней мере во второй половине XVIII — первой половине XIX вв. Разумеется, крестьянская политика Павла отличалась от екатерининской, и это отличие вызвано иными общественно-политическими и социально-экономическими условиями России конца XVIII в.

По мнению адмирала А.С.Шишкова, в основе крестьянской политики Павла лежит страх. «Напуганный, может быть, примером Пугачева, Павел I думал уменьшить, таким образом, опасность для народного смятения»¹⁶. Много позднее М.С.Воронцов охарактеризовал эту политику как «регулирование» крестьянского права из «страха» перед крестьянским движением.

Очевидно, что стремление законодательно оформить отношения крестьянина и помещика, т.е. регулировать крепостное право, присутствовало в деятельности правительства Павла I. На это указывал еще С.Б.Окунь. Но такое стремление было обусловлено отнюдь не желанием ограничить крепостное право, а исключительно тем, что этим путем намечались уменьшить поводы к массовым крестьянским выступлениям. Отсюда сочетание внешней широты замысла с внутренней ограниченностью мер, принятых для его реализации, которые определялись лишь накалом крестьянской борьбы в стране. В тех случаях, когда администрации не известно было о протестах крестьян и не возникала опасность их выступлений, она оставалась индифферентной к тому, что творилось в имениях, так что помещик имел полную возможность устанавливать любые нормы эксплуатации крепостного труда. Насколько эффективными оказались попытки Павла I регулировать крепостное право? Обратимся к цифрам. На 1796—1797 гг., по данным Е.П.Трефильева, приходится 278 крестьянских волнений, причем, учитывая новое территориальное деление России, мы не находим данных о крестьянских волнениях только в 10 губерниях¹⁷.

Это позволяет с некоторой осторожностью предположить, что именно указы по крестьянскому вопросу первых месяцев царствования Павла I вызвали к жизни помянутое крестьянское движение. После манифеста о трехдневной барщине число крестьянских выступлений увеличилось почти в 3 раза, а вслед за приведением крепостных к присяге, переводом их на денежные платежи и прочее, почти в 5 раз. Если же мы просмотрим статистику крестьянских выступлений с 1797 г. по 1801 г., то вынуждены будем признать, что их активность сходит на нет: в 1797 году было 177 выступлений крестьян, 1798—12, 1799—10, 1801 — всего 7.

Прекрасно отдавая себе отчет в том, что Павел I не мог решить всего комплекса крестьянских вопросов, мы, тем не менее, вынуждены признать, что шаги императора оказались достаточно эффективными в управлении страной, которая на 9/10 состояла из крестьян.

Канцлер, князь А.А.Безбородко, имевший огромное влияние на Павла I, в своей знаменитой записке 1798 г. отмечал необходимость облегчить положение и быт крестьянства, но при этом оговаривался, что «не разумеет тут... какой-либо излишней вольности», превращающейся в «своеволие» и подающей «повод к притязанию на какое-либо равенство»¹⁸. Сходное стремление мы находим и у самого императора.

Во взглядах Павла на государственное устройство помещику отводилась всего лишь роль своеобразного государственного чиновника, ответственного перед верховной властью за управление своими крепостными; отсюда и широкая практика передачи государственных крестьян в частное владение. Этим же объясняется все «демократическое» своеобразие его крестьянской политики. Все рассуждения об «антидворянской» сущности сословной политики Павла I неизменно подкреплялись ссылками на нарушение Жалованной Грамоты дворянству 1785 г. Так историк русского дворянства М.А. Корф отмечал: «Во времени вступления на престол Павла Петровича большинство начал Жалованной грамоты уже вполне усвоилось населением: дворянство привыкло смотреть на те права и преимущества, которые утверждены были за ним в 1785 году, как на свои исконные привилегии». Естественно, любое изменение в тексте этого документа вызывало крайне обостренную реакцию российского «благородного сословия», сам факт появления правительственных указов, касающихся дарованных Жалованной грамотой свобод, выглядел как покушение на дворянские привилегии.

Павел I нарушил многие статьи Жалованной грамоты. Так в этом документе была декларирована свобода дворянства от всяких сборов и податей в пользу государства. Но указом от 18 декабря 1797 г. на дворянство возлагалось содержание местных судебно-административных учреждений, правда, с сильно урезанным штатом.

Не менее решительными были действия Павла и в области внутренней политики: за четыре года павловского правления были достигнуты значительные сдвиги в области образования: открывается университет в Дерпте, училище для военных сирот в Петербурге (Павловский корпус), создано высшее медицинское училище, преобразованное затем в высшую Медико-хирургическую академию, в Петербурге и Казани учреждались духовные академии, расширялась сеть солдатских школ. Внешняя политика также не осталась без внимания государя. Первоначально она имела своей целью ограничить французское влияние в Европе, а также охранительно-монархические задачи. Павел I резко отрицательно относился к Французской революции и всячески с нею боролся. Однако первоначальное желание решить «дело пушками» сменилось затем здравым подходом — стремлением занять позицию нейтралитета в англо-французских отношениях. Павел по-своему стремился к проведению во

внешней политике русских интересов. Уже после октября 1797 г. традиционная русская политика в Европе, ориентированная на равновесие сил, сделалась невозможной. Австрия перестала быть союзницей, Пруссия все больше проводила враждебную России политику. Ориентиры внешней политики Павла в это время сводились к следующему. Во-первых, Павел отказался от участия в переделах Европы и осуждал тяжбу Пруссии и Австрии из-за Зальцбурга и Баварии. Во-вторых, Павел готов был признать вновь образованные профранцузские рейнские и итальянские республики ради успокоения Европы. В-третьих, Павел призывал решать международные вопросы путем их обсуждения на общих Конгрессах, а не в двусторонних сепаратных договорах. Надо сказать, что проведение этих предпочтений в жизнь не увенчалось успехом. Новая антифранцузская коалиция в войне 1798 — 1799 гг. потерпела поражение, хотя и принесла русскому оружию выдающиеся победы, связанные с именем А.В.Суворова.

К 1800 году ситуация в Европе радикально переменялась. Антифранцузская коалиция рухнула. Франция, Австрия и Пруссия — в выигрыше, а Россия — в проигрыше. С этого времени Павел начинает проникаться симпатиями к Наполеону. Во Франции задумывалась совместная с Россией экспедиция в Индию. Однако убийство Павла, как это выявилось впоследствии, щедро оплаченное деньгами английских налогоплательщиков, остановила реализацию всех этих замыслов. Разрыв с Англией больно бил по экономическим интересам дворянства, отсюда и непопулярность внешней политики Павла в дворянской среде. Рассмотрев наиболее общие черты павловского правления, мы теперь можем подвести некоторые итоги.

Прежде всего, необходимо признать, что деятельность Павла I на государственном поприще позволяет говорить о нем как достаточно дальновидном и зрелом политике. Именно потому, что его реформаторская деятельность была направлена на ограничение «дворянского произвола», ее дальнейшая интерпретация в дворянской, по духу, литературе XIX в. получала зачастую сугубо негативную оценку, причем сам Павел I изображался как самодур и деспот. Между тем основа, заложенная в государственном управлении России указами Павла, в будущем — в эпоху правления Александра I — окажется основополагающей. Послабления крестьянского гнета, министерский тип управления страной, допущение купеческого сословия в управление коммерцией и некоторые другие определяют на многие десятилетия вперед динамику общественного развития.

Преобразования Павла оказались настолько прогрессивными, что его ближайшие современники оказались не в состоянии их по достоинству оценить. Так устранение Александром I купеческого сословия из управления коммерцией, безусловно, не могло не сказаться на развитии промышленности и банковского дела в России. Результатом этого, до известной степени, было поражение России в Крымской войне XIX в. Из сословия «воинов» дворянство постепенно — после Грамоты Екатерины от 1785 г. — выродилось в паразитирующий слой, все менее и менее способный находить ответы на вопросы, задаваемые временем, и обретая все более карикатурные черты героев Гоголя и Салтыкова-Щедрина.

Не может вызывать сомнения и продуктивность внешнеполитической деятельности Павла. Часто ему вменяется «восхищенность прусскими образцами жизни и управления»¹⁹, однако его короткое четырехлетнее правление свидетельствует об обратном: как только распадается антифранцузская коалиция и Пруссия отдалается от России, Павел находит единственно правильное решение — Россия становится союзницей наполеоновской Франции. Разве это не образец зрелого государственного мышления? В условиях усиления Франции в Европе и внутреннего ослабления екатерининской России — вспомним какие долги унаследовал Павел после правления Екатерины — нужно было искать дружбы с сильнейшим. Преждевременная смерть Павла свела на нет эту геополитическую стратегию. История часто доказывала после эпохи Павла, что Франция исторически всегда была заинтересована в союзе с Россией. С другой стороны, никому почему-то не приходит в голову упрекать Александра I в его проанглийских настроениях, хотя ценой этого была тяжелейшая война с Францией, разорение европейской части страны и известная радикализация антимонархических настроений.

Итак, мы видим, что тенденциозное освещение правления императора Павла I в подавляющем большинстве случаев не соответствует действительности. Как и всякий правитель или человек, Павел не был лишен недостатков — импульсивность, патологическая неприязнь к презиравшей его матери и некоторые другие, которые, безусловно, накладывали отпечаток на форму его правления, однако «положительно» оказывается в четырех годах его правления почему-то больше, чем «отрицательного». Все это позволяет говорить о том, что мы имели до сих пор дело не с реальным историческим деятелем, а с мифом,

который был создан его недоброжелателями после его смерти. А если вспомнить о «завещании», которое оставила несчастная супруга Павла I — Мария Федоровна — своим венценосным потомкам, то необходимо признать: фигура императора Павла I оказалась роковой для России. Сегодня, по прошествии почти двух столетий после его кончины, это становится различимо все более отчетливо.

Примечания

- ¹ Чечулин Н.Д. Очерки истории российских финансов времен Екатерины II. СПб., 1906. С. 678.
- ² Буцинский П.П. Отзывы о Павле I его современников. Харьков, 1901. С. 13-14.
- ³ Болотов А.Т. Любопытные и достославные деяния и анекдоты государя императора Павла Первого. М.; СПб., 1875. С. 1.
- ⁴ Царевубийство 11 марта 1801 года. СПб., 1908. С. XVII.
- ⁵ Указы государя императора Павла Первого, самодержца Всероссийского. М., 1796.
- ⁶ Отличный пример, кстати говоря, для нынешних российских олигархов!
- ⁷ См.: *Godfard P.* Kosciuszko: un heros de l'indépendance americaine et polonaise // *Historia*. № 611. 1997. P. 76 — 80.
- ⁸ *Чарторыйский А.* Мемуары князя Адама Чарторыйского и его переписка с императором Александром. Т. 1. М., 1912. С. 119.
- ⁹ РА. 1869. № 1. Стлб. 165.
- ¹⁰ *Корф М.А.* Жизнь графа Сперанского. Т. II. С. 49.
- ¹¹ *Эйдельман Н.Я.* Грань веков. М., 1976. С. 61.
- ¹² *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. I, II. 1901—1903.
- ¹³ ПСЗ, Т. XXIV. № 17628, с. 226.
- ¹⁴ РА. 1866. Стлб. 1309.
- ¹⁵ *Покровский М.Н.* Русская история с древнейших времен. Т. 3 // *Покровский М.Н.* Избр. произведения. Кн. 2. М., 1965. С. 164.
- ¹⁶ *Шишков А.С.* Записки, мнения и переписка адмирала А.С.Шишкова. Т. 1. Берлин, 1870. С. 22.
- ¹⁷ *Трефилов Е.П.* Очерки из истории крепостного права в России в царствование императора Павла. Харьков, 1904. С. 284.
- ¹⁸ РА. 1877, № 3, Стлб. 298.
- ¹⁹ Прусская армия, если держаться в суждениях объективности, была сильнейшей в Европе.